

♠Пролог

Лицо...

Суровое мужское лицо, испещренное страшными шрамами.

Темная, выдубленная ветрами и солнцем кожа. Плотно сжатые губы. Серебристый ежик волос над высоким лбом. Тяжелые надбровные дуги, под которыми прячутся глаза цвета черненого серебра.

В этих глазах плещется сумрак...

Ринка может поклясться, что не знает этого мужчину. Что они никогда не встречались до этой минуты. Но почему-то он кажется ей смутно знакомым...

Опасно знакомым...

Он возникает из темноты тюремного коридора, неся с собой запах кожи и трав. Шагает к решетке, высокий, широкоплечий. Заслоняет единственный факел. Полы его плаща и носки сапог укрывает толстый слой дорожной пыли.

Ринка бледнеет под хмурым взглядом.

– Это она? – хриплый, будто надтреснутый голос.

– Да, ваше благородие.

– Открывай.

Из-за спины незнакомца выкатывается смотритель тюрьмы. Мэтр Дамерье. Маленький, кривоногий, с обвисшим брюшком и масляными глазенками.

Ринка передергивает плечами, сбрасывая с себя его липкий взгляд.

– Сейчас, сейчас, ваше благородие.

Связка ключей бренчит в потных руках.

Незнакомец не спешит дожидаться, пока смотритель найдет нужный ключ. Он сжимает замок огромной лапищей, затянутой в крагу из воловьей кожи. И Ринка вздрагивает, втягивает голову в плечи, услышав металлический хруст.

Решетка с противным скрипом сдвигается с места.

Морщась от кислого смрада, незнакомец заходит в камеру. Пару секунд смотрит на

брачное
ожерелье в своих руках, а потом, наклонившись, застегивает его на худенькой шее
узницы.
Красивое ожерелье, из чистого серебра. Спускается вниз блестящими гривнами.

Вот и все. Теперь они муж и жена. Теперь ее жизнь – его собственность.

А тяжелое серебро давит на грудь гранитной плитой.

Но уж лучше так, чем быть забитой до смерти на глазах у толпы.

Скинув плащ, он набрасывает его на хрупкие плечи девушки. Короткими, сухими
движениями
заворачивает в сукно дрожащее тело. Поднимает с грязной соломы, осторожно
прижимает к себе.

– Благородный эрл желает как можно быстрее консуммировать брак? – слышится
сальный смешок.

При звуках этого голоса Ринка закрывает глаза.

Не видеть. Не слышать. Забыть, что он существует, забыть все, что он сделал...

Когда-нибудь ей это удастся... Когда-нибудь она сможет забыть.

А сейчас каждое слово врезается, точно отравленный нож.

– Не вижу смысла терпеть до утра, – раздается над ухом. Безразлично и холодно. А
мужские руки
сжимают ее в железном объятии.

– О да, девица страсть как хороша. Даром, что полукровка. Я в некотором роде
даже завидую вам, –
▲ тот же сальный смешок. – Но будьте с ней осторожны! Эта дрянь убила моего отца,
– тяжелый
вздых, от которого тянет притворством. – Несчастный повелся на ее эльфийские
прелести, сделал
своей законной женой, а она отравила его прямо в первую брачную ночь!

Ложь, все ложь! Но разве ее будут слушать? Кому нужна сирота, да еще полукровка?
Здесь не
любят ни эльфов, ни магию...

Кто заступится за нее?

Сердце Ринки колотится, как у зайчонка. Ей хочется вырваться из чужих рук,
отпрянуть, зашипеть
дикой кошкой. Вцепиться ногтями негодяю в лицо.

Но она не делает ни того, ни другого. Только сжимается сильнее, проглатывая свою
боль вместе с
колючим комком.

Незнакомец шагает на свет. И тогда она вспоминает, где могла видеть его лицо.

Он являлся к ней в детских снах. Когда-то давно...

▲Глава 1

– Замечательно! То, что нужно. А ну-ка, покрутись!

Ринка послушно повернулась вокруг себя. Немного неловко из-за длинного подола, расшитого тяжелыми красными бусинами. Плотный узор из таких же бусин украшал и верхнюю часть платья: высокий воротник-стойку, плечи и спускался полукругом на грудь. От этого Ринке казалось, что у нее на плечах лежит по камню, которые по очереди тянули ее то в одну, то в другую сторону.

Платье было ярким, красивым, но сшитым на более статную девушку. Ринка выглядела в нем жалко и даже жалостливо со своим бледным личиком и светлыми волосами. Воротник торчал до самого подбородка, а вот рукава оказались настолько длинны, что из-под них едва-едва выглядывали кончики пальцев.

Но матушка Ильза, похоже, никаких недостатков не замечала. Или не желала замечать.

Настоятельница монастырской школы, сложив на дородной груди пухлые руки, замерла с неподдельным восхищением на румянном лице:

– Ох, Ринкьявинн, эрл Тамаск как увидит тебя, сразу влюбится! – И тут же уже другим голосом, строгим, надменным: – И только посмей что-нибудь учудить, несносная девчонка! Помни, эрл Тамаск – твой единственный шанс устроиться в этой жизни кем-то получше поломойки в деревенском трактире!

Ринка опустила глаза. Меньше всего матушка Ильза заботилась о ее будущем. Но вот мешочек серебра, который выплачивают за каждую послушницу, ей точно не помешает.

Школа Пресвятой Девы Орриет недаром славится лучшими выпускницами, из которых получаются лучшие жены. Тихие, покорные, бледные тени своих мужей. Как раз такие, как и надлежит быть женщине в этом мире.

– Иди! – матушка Ильза царственно махнула рукой на дверь. – И уши хорошенько прикрой, хоть эрл Тамаск и знает о твоей порченой крови, но это не значит, что нужно выставять ее напоказ!

Ринка без всякой охоты поплелась в указанном направлении. Ей казалось, что каждый шаг приближает ее к эшафоту.

Еще вчера она была обычной послушницей, серой, невзрачной, неприметной на фоне более рослых и ярких сверстниц. А сегодня ей вдруг объявили, что местный эрл желает на ней жениться и платит монастырю целых пять золотых за ее никчемную душу!

Кстати, наличие души у таких, как она, ставилось Церковью под сомнение. Получеловек-полуэльф, плод греха и противоестественной связи. Отродье, не нужное ни тому миру, ни этому.

У порога Ринка немного замешкалась. Вдохнула, расправила плечи. И, отчаянно зажмурившись, толкнула дверь, будто в омут бросилась.

– А вот и ваша невеста, эрл Тамаск! – пропела матушка Ильза, подталкивая послушницу в спину. – Очень скромная и послушная девушка.

– Она слепая? У нее закрыты глаза.

Незнакомый мужской голос заставил выдохнуть и распахнуть ресницы.

Их было двое. Молодой импозантный мужчина с чуть обрюзгшим, но все еще красивым лицом стоял у окна, небрежно постукивая пальцами по подоконнику. Весь его вид выражал скуку с легким налетом презрения. Но при виде девушки, его взгляд оживился.

Второй же сидел в кресле за круглым столом.

Почему-то первым делом Ринка увидела именно его.

Пожилой, с благородными сединами, уложенными блестящими волнами. С мутновато-голубыми глазами, спрятанными под кустистыми бровями. Тонкими губами и надменным профилем. Его морщинистые руки, испещренные старческими пятнами, лежали на серебряном набалдашнике трости.

Старик смотрел прямо на Ринку. В упор. Словно приценился.
♠На столе рядом с ним лежал пресловутый мешочек.

– О нет, эрл Тамаск, – визгливо засмеялась матушка и незаметно ущипнула Ринку за локоть. – У нее прекрасное зрение! И слух тоже. Девочка просто немного стесняется, ведь так? – ее гневный взгляд ожег девушку точно удар хлыста.

Пришлось растянуть губы в улыбку.

– Подойди, дитя, – прокряхтел старик. – Я хочу знать, что покупаю.

Все еще старательно улыбаясь, Ринка сделала шаг столу.

Матушка права. Замужество – это единственный шанс что-то изменить в своей жизни. Если сейчас сватовство провалится, если она не понравится престарелому жениху, ее просто сгноят в этих стенах.

А жить Ринке хотелось и даже очень. Хотелось вырваться из этой тюрьмы на волю, на солнечный свет. Вдохнуть свежий ветер, подставить лицо ясному солнышку...

Если для этого нужно выйти замуж за старика, что ж, это не самая высокая плата. В конце концов, сколько ему там осталось?

Девушка бросила на жениха внимательный взгляд из-под ресниц.

На вид ему лет семьдесят, не меньше. Такому уже не жена, сиделка нужнее. Лекарства там подавать, поправлять подушки, развлекать последними сплетнями и чтением новостей...

– Что-то она мелковата, – он с сомнением оглядел ее. – Взяться не за что.

– О, не переживайте! – засуетилась Ильза. – Шестнадцать ей исполнилось месяц назад, так что все по закону. А что мелковата... так на монастырских харчах не слишком разъешься. Откормите!

– Ты действительно наполовину эльф? – взгляд старика задержался на золотистых волосах девушки.

– Да, благородный эрл, – Ринка сделала книксен.

– Покажи!

Не поднимая глаз, она раздвинула пряди волос. Острый кончик уха предательски дернулся.

– Отец, ты уверен... – начал молодой, но старик его оборвал.

– Герхард, помолчи. Выбрать хорошую жену так же сложно, как и хорошую кобылу. Но у этой есть неоспоримые преимущества перед другими.

Последняя фраза не понравилась девушке, как и тон, которым она была сказана.

Несколько минут унизительно пристального разглядывания, и старик откинулся на

спинку кресла.

– Хороша, – вынес он свой вердикт. – Беру. Здесь три золотых, как и договаривались, – кивок на стол, – еще два получите после венчания.

Матушка Ильза расплылась в подобострастной улыбке:

– Когда изволите совершить обряд?

Старик кивнул сыну. Тот выудил из кармана жилета серебряные часы-луковицу и пижонским щелчком открыл крышку.

– Два пополудни, отец.

– Значит, успеем. Сегодня, в восемь вечера в нашей семейной часовне. Проведем скромную церемонию. Это уже мой пятый брак, так что суeta ни к чему.

Эрл Тамаск поднялся, опираясь на трость. И Ринка невольно отметила скрюченные подагрой пальцы старика.

Пятый брак... Надо же... Интересно, что стало с его предыдущими женами?

Словно услышав ее мысли, он произнес:

– Все мои жены, бедняжки, почилы раньше времени. И только первая супруга, моя дорогая Аньетт, подарила мне сына.

▲При этих словах Герхард приосанился, выкатил грудь колесом. А во взгляде, каким он смотрел на отца, появилась легкая снисходительность.

Эрл продолжал:

– Один сын хорошо, а два лучше. Я слышал, капля эльфийской крови способна творить чудеса даже с таким старцами, как я. Вот и проверим.

И вроде ничего особенного не сказал, даже тон его не изменился, а у Ринки внутри все сжалось от отвращения.

О, да, даже среди послушниц, отрезанных от остального мира каменными стенами монастыря, бродили назойливые слухи, что кровь эльфов это квинтэссенция жизни – эликсир здоровья и долголетия. Что на ее основе делают лекарство от мужского бессилия.

Конечно же послушницы передавали это друг другу шепотом, глупо хихикая и следя, чтобы никто из монахинь их не застукал за нечестивыми сплетнями.

А еще говорили, что эльфы сами по себе действуют на людей как шпанская мушка. Одна проблема: настоящих эльфов в этих краях не видели уже пару столетий. Была только Ринка – сирота, полукровка без роду-племени.

***

Свадебный обряд прошел для Ринки будто в тумане. Она помнила двухчасовую тряску в рыдване по каменистой дороге, напутствия матушки Ильзы и ее угрожающий тон. Помнила, как кто-то накинул ей на лицо традиционную вуаль и втолкнул в часовню, где уже горели свечи и звучала органная музыка.

– Иди! – раздалось сзади шипение.

Перед глазами все расплывалось. От насыщенного запаха ладана закружилась голова, да еще начало подташнивать. Ринка с трудом переставляла ноги по направлению к алтарю, где уже ждал престарелый жених в черном фраке, священник в праздничном облачении и, чуть в стороне, Герхард с неизменно скучающей миной на одутловатом лице.

Словно заводная кукла, Ринка остановилась у алтаря. Священник что-то говорил, потом пел, потом носил вокруг них какую-то чашу, попеременно давая из нее испить то невесте, то жениху. Напиток был терпким и сладким, словно рябиновая наливка, которой иногда баловались монахини. Но от него оставался во рту горький привкус.

Ринка боролась с тошнотой, со слабостью, от которой тело становилось чужим, а ноги не желали держать. С нервной дрожью в руках и безумным желанием сорвать вуаль, перекинуть треклятую чашу и бежать отсюда со всех ног...

Но бежать было некуда. И она это знала.

Матушка Ильза все документы и деньги держала у себя под замком. А без метрики и без денег в этом мире не выживешь. Тебя остановят на первом же выходе из города. И вернут туда, откуда сбежала. Если не хуже.

Нет, Ринка не желала так рисковать. У нее было время, чтобы подумать.

Голос священника прервал хаотичный поток ее мыслей:

– Именем Пресветлой Орриет благословляю ваш брак. Жених, можете скрепить обряд поцелуем.

Еще одно испытание.

Ринка вытянулась в струну, когда вуали коснулись старческие пальцы. Напряглась, сдерживая отвращение. Зажмурилась...

Ее губ коснулись чужие вялые губы. Потом вуаль упала на место.

– Поздравляю, отец, – от стены отделился Герхард. – Поздравляю, леди Тамаск.

– Оставь свои поздравления при себе, – отрезал старик. – Поздравишь, когда я ее обрюхатю или когда на свет появится твой младший брат. Кстати, займись этим прямо сейчас. Моя спальня готова?

От этих слов сердце девушки болезненно сжалось.

Ну да, он же прямо сказал, что ему нужен сын. Правда, Ринка как-то не думала, что делать его он начнет сразу после венчания.

– Готова, отец. Я проверил, слуги устроили все, как вы хотели.

Тон Герхарда едва уловимо изменился. Видимо, ему тоже не нравились планы отца.

– Ну и прекрасно. Пойдем, моя дорогая, – цепкие крючковатые пальцы впились Ринке в ладонь. – А ты, сын, передай матушке Ильзе остаток взноса и проводи добрую женщину восвояси.

Эрл Тамаск повел новобрачную в противоположную сторону от центрального входа. К маленькой двери, скрытой за бархатной портьерой.

Уже на пороге Ринка оглянулась, будто кто-то толкнул ее в спину.

Главные двери часовни были открыты. За ними темнело вечернее небо, расцвеченное первыми звездами, и сияла луна. Свежий ветер трепал листву на деревьях, разнося по округе запах жимолости и сладковатый аромат маттиолы...

Издалека доносились звуки засыпающего города: переключка караульных, звон колоколов на башне центрального храма, пустой лай собак...

Там, за этими дверями, ждала свобода. Звала, манила. Ринка слышала ее вкрадчивый голос в песне

ветра и шорохе луговых трав. Видела в отблесках утренних зарниц, в первых лучах солнца на рассвете, в каждой росинке, в каждом цветке. Она рвалась к ней всем своим существом...

С трудом оторвавшись от созерцания дверного проема, девушка наткнулась на Герхарда.

Тот, поймав ее взгляд, двусмысленно ухмыльнулся:

– Желаю плодотворной брачной ночи, леди Тамаск.

♠Глава 2

В спальне эрла горели свечи. Красноватые, тусклые.

Воздух наполнял резкий запах лекарств и притираний, который не могла перебить лавандовая отдушка. За тяжелыми бархатными гардинами прятались окна. На кофейном столике ожидала бутылка вина, два высоких бокала и фрукты.

А в центре возвышалась огромная кровать с узорчатым подзором. Она напомнила Ринке языческий алтарь, виденный на гравюре в одной из книг. Алтарь, на котором юных девственниц приносили в жертву старому Рхангу – богу похоти.

Ринка стояла, застыв истуканом посреди спальни. Внутри царила полнейшая пустота. Ни мыслей, ни чувств.

Тамаск передал ее в руки молчаливых служанок, сухо отметив, что придет, как только она будет готова. Его слова прошли мимо сознания девушки, проскользнули, ничего не задев.

Кто-то из женщин снял с нее нелепое платье, кто-то распустил волосы. Кто-то накинул ночную сорочку из тонкого батиста.

Ринка отмечала все происходящее словно со стороны. Ей казалось, что все это происходит не с ней. Что она наблюдатель, случайный прохожий, невзначай заглянувший в чужое окно.

Так было легче.

Взяв за руки, служанки подвели ее к порожку кровати. Одна из женщин откинула полог и край одеяла.

Ринка машинально забралась в постель. Легла, вытянувшись на холодных простынях как покойник.

Разве что руки на груди не сложила. Служанки аккуратно укрыли ее до самого

подбородка.

Расправили пряди волос по подушке, рассыпали сверху горсть жасминовых лепестков
– символ
невинности.

– Доброй ночи, леди Тамаск.

В их тоне не было издевательства или насмешки, лишь сдержанное уважение к новой госпоже.

Сделав книксен, женщины удалились.

Оставшись одна, Ринка рвано выдохнула. Напряжение внутри завязалось колючим узлом. Девушка
вцепилась руками в край одеяла, прислушалась.

В доме царила полнейшая тишина. Но вот откуда-то из-за стены послышался шорох.

Шаги...

Скрипнула дверь...

В стене появился проем, залитый тусклым светом, и сердце Ринки затрепыхалось пойманной
птичкой, забилося в приступе паники.

На пороге возник эрл Тамаск с канделябром в руке. На этот раз на нем была ночная рубашка,
украшенная пышным кружевом. Старое, дряхлое тело просматривалось сквозь ткань. Из-под подола
торчали сухие волосатые ноги, перевитые синюшными венами, и раздутые артритом колени, а
голову прикрывал белый колпак.

Теперь он выглядел не столь грозно, сколь жалко и мерзко. Просто старик, позарившийся на юную
плоть.

– Ждешь? Это хорошо. Я уже не такой прыткий, милочка, чтобы самому скакать на тебе, –
прокряхтел он, подходя к столику и оставляя там канделябр.

Потом уселся в кресло и поманил Ринку высохшим пальцем:

– Иди-ка сюда. Выпей, расслабься. Да и я выпью, чтоб кровь разогнать. Небось никогда не
пробовала дейренского вина? Я для такого случая приказал откупорить бутылку.

Ринка лежала, стиснув в потных ладошках края одеяла. Таращилась на него широко
распахнутыми
глазенками и не могла осознать смысл этих слов. Разум не желал их воспринимать.
♠Поймав ее взгляд, эрл гнусно хихикнул:

– Да не бойся, не съем.

И вдруг изменившимся тоном:

– А ну встала, я сказал! Или мне позвать слуг, чтобы они тебя за стол усадили?

На подгибающихся ногах Ринка вылезла из-под одеяла, проковыляла к столу и почти без сил рухнула в кресло. Руки тряслись. Пришлось зажать их между коленок. Но вместо того, чтобы исчезнуть, дрожь перешла на все тело.

– Вот так бы и сразу, – удовлетворенно отметил Тамаск. – Да не трясись, как заячий хвост. Чай, я не насильник какой, а твой законный супруг. Может, тебе даже понравится.

От последнего предположения Ринку слегка замутило. А может ее замутило от запаха старческой плоти.

Наполнив оба бокала, Тамаск протянул один девушке, из второго сделал глоток, откинулся на спинку кресла и блаженно сощурился.

– Великолепно, – причмокнул губами. – Ничто не согревает кровь так, как хороший рислинг.

Открыв глаза, он строго глянул на Ринку:

– А ты чего же не пьешь?

– Не хочу... – выдохнула она едва слышно.

Эрл нахмурился, сведя к переносью кустистые брови.

– Что еще за жеманство? Ты мне это оставь! Я, милочка, я не люблю, когда мне перечат. Давай-ка ты будешь послушной девочкой и не станешь сердить старика?

Бормоча последнюю фразу, он одним глотком допил свой бокал и придвинулся к девушке.

Ринка вздрогнула.

Рука, обтянутая сухой морщинистой кожей, легла на ее колено, поверх сорочки. Старческие пальцы сжались, твердые ногти впились в нежную кожу.

– Будь послушной, моя красавица. Выпей глоток, а потом я тебя уложу в постельку. Вот увидишь, я еще не забыл, как сделать женщине хорошо...

Девушку передернуло от этих слов. Чтобы не сердить старика, она взяла свой бокал и чуть пригубила. Вино оказалось холодным и кислым на вкус.

Эрл втянул носом, раздувая крупные ноздри, из которых выглядывали пучки седых волос. Такие же пучки торчали у него из ушей.

– Как же сладко ты пахнешь! Я уже чувствую, как мой петушок поднимает головку. Древние книги не врут!

Выпятив влажные губы, Тамаск вдруг подался вперед. Его лицо оказалось так близко, что Ринка, едва сдерживая рвотный рефлекс, инстинктивно отпрянула.

Бокал выпал из ее рук. Часть вина выплеснулась на эрла, потекла по его подбородку, закапала вниз, за ворот сорочки.

– Ах, ты ж!!! – взвизгнул старик, брызжа слюной. – Мелкая дрянь!

Визг перешел в хрипение. Выпучив глаза, Тамаск вдруг схватился за горло. А Ринка вскочила, в ужасе оттолкнув его от себя.

Челюсть эрла задергалась, словно он хотел сказать что-то еще, но вместо слов изо рта полилась белая пена. Глаза расширились, завращались, едва не вываливаясь из глазниц. Подернулись мутной пленкой. Руки заскребли в воздухе, будто пытаясь что-то схватить.

– По... по-мо-ги... – пробулькал старик, захлебываясь собственной рвотой. – Вра-ча!

Его рука, дрожа, потянулась к сонетке, но, не удержавшись, безвольно упала. Все тело забилося в конвульсиях и, булькнув в последний раз, эрл затих в кресле сломанной куклой. ♣Все произошло так стремительно, что Ринка не успела ничего осознать.

Она стояла, застыв от стола в трех шагах. Все происходящее казалось ей диким сном. Липким кошмаром. Одним из тех, что посещали ее в раннем детстве.

Она смотрела, как он умирает. Смотрела, не в силах двинуться с места. Не в силах отвести взгляд. Не в силах даже зажмуриться.

С последней конвульсией эрла на нее обрушилась тишина. Плотная, тяжелая, не дающая сделать вдох. Она накрыла ее с головой, отрезая все звуки, кроме биения собственного пульса в висках. Этот пульс громыхал все громче, превращаясь в тревожный набат. Он гремел у нее в голове точно молот по наковальне.

Пока внезапно не стих.

И тогда она закричала. Завизжала во всю силу легких, до боли зажмурив глаза.

***

Дверь с треском распахнулась. В спальню влетела толпа слуг в ночных рубашках, вооруженных кто чем. Кто-то сжимал в руке тяжелый канделябр, кто-то кочергу, кто-то щипцы от камина. Но увидев Ринку, сжавшуюся посреди комнаты, они невольно притормозили.

А потом увидели своего господина. И на их вытянутых от удивления лицах отразился внезапный страх.

– Что здесь происходит? – знакомый голос грянул со стороны коридора.

И, раздвигая толпу локтями, в спальню вошел еще один персонаж.

Герхард.

Ринка почти обрадовалась, увидев его.

В отличие от остальных, он все еще был в костюме. Больше того, от него разило табачным дымом, женщинами и спиртным. Шелковый шейный платок был небрежно сдвинут на сторону, а в петлице торчал помятый цветок.

– Ваша светлость, – пробормотал кто-то из слуг, – леди кричала.

– Хм. Неужели мой папенька так вас напугал? – Герхард перевел взгляд на Ринку.

Этот взгляд охватил ее хрупкую фигуру в полупрозрачной сорочке. Руки, прижатые к груди.

Бледное лицо. Темное озеро глаз.

Та стояла ни жива ни мертва, не зная что делать.

– Он... – прошептала она одними губами. – Он... кажется мертв...

Вздернув брови, молодой повеса развернулся к креслу, вокруг которого уже топтались смущенные слуги.

Вид покойника заставил его нахмуриться.

Герхард склонился над телом, несколько бесконечно долгих минут вглядывался в лицо, искривленное предсмертной маской. Затем двумя пальцами сжал сухое запястье.

И все это время на лице единственного отпрыска эрла Тамаска царило странное выражение.

Наконец, он выпрямился и обвел присутствующих озабоченным взглядом.

– Та-а-ак, – протянул, вытирая руки салфеткой. – Вызовите врача. И кто-нибудь отправьте мальчишку к гробовщику. Похоже, папенька и в самом деле скончался. Мир праху его.

– Мир праху, – зашептали слуги, кланяясь и совершая знамение во славу Пресветлой. – Пусть богиня примет душу его.

Его глаза задержались на девушке. Та тряслась как осиновый лист, то ли от холода, то ли от страха. Ей хотелось крикнуть, что старик умер не просто так, что его отравили. Неужели никто не видит
▲засохшую пену на его губах? Никто не чувствует кислый запах рвоты? Неужели никого не смущает гримаса покойника?

Но Герхард уже шел к ней, всем своим видом выражая заботу и безмерную скорбь.

– Леди, позвольте я вас уведу. Не стоит столь юной особе смотреть на такое.

Ринка не сопротивлялась, когда Герхард снял свой скюртук и накинул ей на плечи.

Скюртук нес в себе тепло живого тела, и этого было достаточно, чтобы она машинально вцепилась в него.

Она не сопротивлялась, когда Герхард взял ее за руку. Хотя и отметила краем мысли, какая у него влажная, липкая от пота ладонь. И что именно этой рукой он минуту назад закрыл глаза своему отцу.

Это все было не важно.

Важно, что он уведет ее отсюда и ей больше не придется видеть искаженное судорогой лицо своего несостоявшегося супруга. И что мутные глаза эрла Тамаска больше не будут стоять перед ней...

Как сомнамбула она шла за Герхардом, переступая босыми ногами по полу. Почти не соображая, куда он ее ведет и что происходит вокруг.

Очнулась, когда он всунул ей в руки фарфоровую кружку с темным напитком. От кружки шел запах трав.

– Пейте, леди. Это лекарство от нервов. Вам точно не повредит.

Ринка подчинилась. Трясущимися руками приложила кружку к губам и сделала пару глотков.

Это заставило ее немного прийти в себя и оглядеться.

Она обнаружила, что сидит на низенькой оттоманке, сжавшись в комок, в одной сорочке и сюртуке.

И рядом нет никого, только Герхард.

– Где я?

– Это мой кабинет. Здесь никто нам не мешает.

Мужчина запер дверь, а потом прошел к мраморной стойке. Ринка исподлобья следила за ним.

– Эрл умер, да здравствует новый эрл, – он отсалютовал ей бокалом вина. –

Конечно, еще нужны

кой-какие формальности, но фактически я с этой минуты глава семьи. Ты понимаешь, что это значит?

Ринка опустила глаза и уставилась в кружку.

Куда делась его показная забота? Перед ней стоял хищник, матерый волк, готовый вцепиться в добычу. И он чувствовал, что эта добыча слаба, беззащитна и не может постоять за себя. Что нет никого, кто мог бы ему помешать.

– Да, – произнесла она едва слышно.

– Вот и умница. Запомни, теперь я решаю, что будет с тобой.

С самодовольной ухмылкой он скользнул к ней на диван. Сел близко, приобнял Ринку за плечи, вальяжным жестом прижал к себе.

Она же сжала кружку до боли, до хруста в немеющих пальцах. Напряглась каждой клеточкой, точно перед прыжком.

Герхард что-то почувствовал.

Взял ее двумя пальцами за подбородок, заставил посмотреть на него. Затем тронул ее за чувствительный кончик уха, торчавший между волос.

– Будь со мной поласковой, девочка. Поверь, я еще не самое жуткое, что может случиться с такой, как ты. Слышал я, местный колдун предлагал матушке Ильзе рецепт омолаживающих пластырей за твою кровь.

У Ринки ком в горле встал.

♠ Неужели ее эльфийская кровь сыграла с ней подлую шутку? Неужели сплетни послушниц были не такой уж и выдумкой?

А Герхард продолжал мурлыкать, наматывая на палец ее шелковистую прядь:

– Тебя приодеть, откормить, и ты станешь вполне ничего. Ты и так хороша, только тощая очень. Я знаешь ли, люблю, когда у девицы есть за что подержаться. Может быть, даже расщедрюсь на статус официальной любовницы. Куплю тебе дом на Цветочном бульваре, буду возить в театры, на воды... Эх, жаль я уже женат, – на этих словах он поморщился, словно вспомнил о чем-то мало приятном.

– Я... мне что-то нехорошо... – пробормотала Ринка, вжимаясь в спинку дивана. – Пожалуйста, отпустите меня...

Но Герхард уже не слышал. Его глаза заволокло пеленой, так же, как до этого у эрла Тамаска.

– Не ерепенься. Давай, поцелуй меня. Хочу узнать, правду ли говорят, что эльфийские поцелуи раздувают огонь в крови?

В один момент он подмял ее под себя. Его лицо оказалось так близко, что Ринка смогла рассмотреть каждую пору.

А потом что-то случилось.

Она не могла понять, что. Только помнила, как внутри стало вдруг горячо, а потом как-то пусто. Что ее руки взлетели сами собой, с неожиданной силой толкая Герхарда в грудь. И что чашка, которую она продолжала сжимать, ударила его по губам...

Герхард скатился с дивана.

Какое-то время он сидел на полу, обескураженно потряхивая головой. Потом прикоснулся к разбитой губе, глянул на пальцы, перевел взгляд на девушку.

Та смотрела на него с нескрываемым ужасом.

– Зря, – произнес он, стирая кровь и глядя на нее исподлобья. – Ох, зря. Ты даже не представляешь, что я могу с тобой сделать.

На звук сонетки в комнату влетел мажордом:

– Вы меня звали, ваша светлость?

– Да, – бросил Герхард, не спуская с Ринки мстительного взгляда, – вызови констебля. Я хочу сделать заявление.

♠Глава 3

Еще день назад она была воспитанницей монастыря и примерной ученицей. Еще несколько часов назад она была новобрачной. И пусть жених оставлял желать лучшего, но он, по крайней мере, обещал ей дом и защиту.

А теперь она стала вдовой, обвиняемой в убийстве супруга, и сменила покои эрла на городской каземат.

Прибывший полицейский патруль долго не церемонился. Ей даже слова не дали сказать: скрутили руки за спину, надели наручники и затолкали в черный экипаж без окошек прямо в сорочке.

Свой сюртук Герхард забрал, мстительно процедив, что в тюрьме он ей не понадобится.

На улице царил глубокая ночь. У Ринки от страха и озноба зуб на зуб не попадал. Ее мутило, перед глазами плясали белые точки, и не было сил требовать справедливости или сопротивляться. Да и кто бы стал ее слушать?

Полицейская карета доставила ее в городскую ратушу, в чьих подвалах находилась тюрьма.

– Будешь сидеть здесь до суда, – пробурчал смотритель тюрьмы. Маленький, кривоногий, с обвисшим брюшком и масляными глазенками. Он подождал, пока один из стражников откроет решетку камеры. Второй стоял рядом, следя за каждым движением девушки. – Можешь обращаться ко мне мэтр Дамерье и смотри, не балуй, а то быстро найду управу!

В подтверждение своих слов он указал на плетку, что свисала с его пояса.

Ежась от сырости и сквозняка, Ринка шагнула в камеру. Ей казалось, что она спит и вот-вот проснется. Она даже не обратила внимания, когда с ее запястий сняли наручники.

Но когда решетка, закрываясь, гроыхнула за ее спиной, девушка оглянулась.

– Подождите! – словно очнувшись, она бросилась к выходу, вцепилась руками в

прутья. – А когда?
Когда будет суд?

– Почем же я знаю? Это ты не у меня, у адвоката своего спрашивай.

– У меня его нет, – призналась, опуская глаза.

– Если своего нет, значит судья назначит.

– Но мне нечем платить...

Маслянистые глазки Дамерье тут же ощупали ее с проснувшимся интересом.

– Говоришь, нечем платить... Хм, я мог бы помочь в этом деле, если бы ты проявила немного усердия.

Гримаса отвращения исказила личико девушки. Отшатнувшись, она прошептала:

– Нет. Ни за что!

– Ну, как знаешь, – смотритель пожал плечами. – Посиди здесь, подумай. Как надумаешь – позовешь.

Он ушел в сопровождении стражников, унося с собой масляную лампу, единственный источник света.

Ринка осталась одна. Обхватив себя за плечи, чтобы хоть немного согреться, она огляделась.

Новое пристанище оказалось маленьким, всего пять шагов в поперечнике, темным и сырым.

Скучную обстановку составляли рваный матрац, набитый гнилой соломой, да отхожее место в углу, источающее неописуемый смрад.

Единственное окошко, закрытое плотной решеткой, торчало под потолком. Камера была низкой, поэтому, встав на цыпочки, Ринка смогла ухватиться за ржавую решетку и подтянуться. Но вместо неба перед ней оказались булыжники мостовой и чьи-то ноги, обутые в грязные сапоги.

Одно радовало: из окошка шел относительно свежий воздух. Она всю ночь простояла, уткнувшись носом между прутьев, вдыхая запах нагретой мостовой и слушая, как вышагивает патруль вокруг ратуши.

А утром, едва рассвело, в камеру ворвалась матушка Ильза. Отхлестала ее по щекам, оттаскала за волосы, приговаривая:

– Ах ты, гадина! Я тебе такую партию сделала! В люди вывела! Самого эрла на блюдечке принесла!
Могла жить и как сыр в масле кататься. А ты вот как мне отплатила?!

– Матушка, клянусь, это не я! Я ничего дурного не сделала!

Ринка пыталась уклониться от несправедливых пощечин, но Ильза не слышала никого, кроме себя.
Страх за собственное благополучие сделал ее глухой.

Наконец, устав кричать и ругаться, она оттолкнула воспитанницу, и та упала на грязный пол,
заливаясь слезами.

– Матушка, клянусь, это не я! – повторила девушка в сотый раз.

– Что «не я»? – передразнила Ильза, окидывая ее злобным взглядом. – Надо было тебя отдать колдуну, когда он просил. Так нет же, пожалела на свою голову! Пригрела змею на груди!

Ринка лежала, сжавшись в комочек, и плакала навзрыд. От рыданий вздрагивали узкие плечи, а на щеках горели следы от ударов.

– Все, не реви, – пробурчала Ильза, чувствуя, что гнев утихает. – Рассказывай, что случилось.

– М-да, – подытожила она спустя полчаса, когда Ринка, размазывая слезы, икая и захлебываясь словами, озвучила свою версию. – Не учла я, что старик так быстро помрет. Брак-то он хоть успел закрепить?

– П-поцелуем?

– Петушком своим, дура! – Ильза беззлобно выругалась. – Было у вас что или нет, признавайся как на духу!

Ринка энергично замотала головой. Стоило лишь вспомнить престарелого эрла, его мутный взгляд и прикосновение вялых губ, как к горлу опять подкатил горький ком. Наверное, если бы он не помер, то она сама отдала бы душу Пресветлой.

– Понятно, – вздохнула Ильза. – Дура ты, девка. Такой шанс упустила! Теперь еще Герхард этот обвиняет тебя в смерти отца и требует справедливого наказания. Око за око. А судья Глиммер близкий друг покойного эрла, так что сама понимаешь.

Немного подумав, она добавила:

– Ладно, придумаю что-нибудь, ты же мне не чужая. Столько лет растила тебя, почитай с самых пеленок. Найду хорошего адвоката, может и выгорит что.

– Спасибо, матушка...

– Рано благодаришь. Если вытащу тебя отсюда, то весь век не рассчитаешься!

Она ушла, пообещав передать немного еды и одежды. А Ринка осталась, жадно вслушиваясь в удаляющиеся шаги. Ей казалось, что вместе с матушкой Ильзой от нее уходит прошлое, проведенное в монастырских стенах. И единственный шанс на спасение.

Городская тюрьма жила своей жизнью. В соседних камерах кто-то рыдал, стучал в стены, пел срамные песни. Слышались ругань и жалобы, окрики караульных.

Три раза в день приносили еду. Безвкусную серую массу, лежавшую в деревянной плошке липким комком. Есть ее полагалось руками, поскольку приборов узникам никто не давал.

Ринка добросовестно ковырялась в тарелке. Каша была отвратительной что на вид, что на вкус. Даже в монастыре готовили лучше. Но девушка заставляла себя это есть. Ей нужны были силы.

Теперь, когда наступил новый день, а из окошка под потолком в камеру лился солнечный свет, ужасы прошлой ночи начали отступать. На смену беспомощности и страху пришло желание жить.

Матушка обещала помочь, значит поможет. Ринка верила в это так же свято, как и в то, что Пресветлая Орриет слышит ее молитвы.

А потом появился Герхард. Ринка сразу узнала его. Метнулась диким зверьком вглубь камеры, только глаза засверкали из-под нечесаных волос.

Держа у носа надушенный платок, новоиспеченный эрл произнес:

– Я пришел повторить свое предложение.

***

Это было противно и мерзко. Ринке казалось, что ее выкупали в нечистотах. Но даже если бы от ответа зависела ее жизнь, она бы все равно ответила «нет».

Герхард ушел не сразу. Он долго стоял, покачиваясь с пятки на носок. Увещевал, обещая всевозможные блага. Ждал, что она изменит решение.

Не изменила.

Хотя сердечко сжималось при мысли о будущем, которого может не быть.

Оставшись одна, Ринка снова плакала. На этот раз тихо, без всхлипов. Просто слезы сами текли. А еще от тюремной каши разболелся желудок. Но это было только начало. Вскоре на коже появилась мелкая сыпь, которая нещадно чесалась. Начала чесаться и голова.

Ночью Ринка почти не спала. Ей постоянно слышались шорохи по углам и казалось, что из темноты вот-вот покажется острая мордочка крысы.

Да и шумные соседи не способствовали мирному сну. Кто-то из них с наступлением темноты начинал выть на одной ноте, точно волк на луну. Ринка слушала вой безумца, сжавшись на рваном тюфяке. Она даже представить себе боялась, сколько времени нужно провести в этой тюрьме, чтобы забыть все слова...

Потом были длинные, томительные дни. Похожие один на другой, выматывающие душу и тело.

Ринку под конвоем водили в комнату с серыми стенами. Она видела себя словно со стороны: маленькая, худая, грязная. В принесенном матушкой Ильзой платье из колючей шерсти, что могло заменить власяницу...

И два вооруженных стражника по бокам.

В серой комнате за большим столом, заваленном бумагами, ждал следователь – мэтр Лавьер. Пышущий здоровьем, круглолицый человек с подкрученными усами. От него пахло домашней стряпней и табаком. Он носил мундир с блестящими пуговицами, постоянно промокал лысину большим клетчатым платком и им же вытирал круглые стекла очков.

А еще он без конца задавал одни и те же вопросы.

Сначала Ринка пыталась отвечать медленно, вдумчиво, вспоминая подробности. Но он ее будто не слышал, снова и снова заставляя по кругу рассказывать, что случилось в тот вечер. Кивал сам себе, избегая смотреть ей в глаза, что-то записывал в толстую тетрадь, похожую на гроссбух экономки. И

спрашивал заново.

Голодная, уставшая, почти отупевшая от происходящего, Ринка уже машинально отвечала «да» или «нет». И голос ее с каждым разом становился все тише.

Только в первый день, когда она заикнулась о своих подозрениях и поползновениях Герхарда, он вскинул голову и строго посмотрел на нее.

– Хочешь опорочить доброе имя эрла Тамаска? Это тебе не поможет. Герхард достойный молодой человек и мой зять, между прочим. А вот твоей порченной крови доверия нет.

С минуту они смотрели друг другу в глаза, пока следователь, выругавшись, не отвернулся. Дрогнувшей рукой он снял очки, долго протирал их, избегая смотреть на девушку. Потом достал из коробочки на столе щепотку табачной крошки, набил трубку и сделал несколько глубоких затяжек.

– Продолжим.

На третий день она все же не выдержала.

– Вы меня ненавидите? – спросила в упор вместо того, чтобы в сотый раз отвечать на один и тот же вопрос.

Лицо мэтра Лавьера пошло пунцовыми пятнами.

– А за что мне тебя любить? – он промокнул вспотевшую лысину.

– Не за что, – согласилась она. – Но я ничем не заслужила вашей ненависти.

Он снова посмотрел на нее. Вскинул взгляд и отвел, словно испугавшись. Но Ринка успела заметить жалость, мелькнувшую на дне его глаз.

– Что плохого я сделала? – повторила она с внезапно проснувшимся упрямством. – Я хочу знать.

– Ишь какая, хочет она. А кто ж вас, полукровок, любит? Ты об этом не думала?

– Я не виновата, что я полукровка. И я не выбирала родителей.

Ринка сама не знала, откуда у нее взялось столько дерзости. Никогда она не перечила старшим, была тихой, послушной. А тут вдруг голос прорезался.

Может от того, что терять уже нечего?

– Ты мне поговори! – рявкнул следователь. И для вящей убедительности хлопнул рукой по столу. –

Хочешь знать, за что вашего брата недолюбливают? Так я тебе расскажу. Эльфов никогда не любили в наших краях, а вот они одно время повадились приходить. Налетали как саранча, заволакивали наших женщин и с собой уводили.

Ринка совсем не это ожидала услышать. Живя в монастыре, она не раз пыталась выяснить хоть что-нибудь о своем происхождении и эльфийских корнях, но любые расспросы на эту тему немедленно пресекались. Пару раз матушка Ильза даже выдрала девушку дубовыми розгами, вымоченными в соленом растворе, и заставила стоять на горохе, трижды по десять раз читая молитву покаяния. «Любопытство есть смертный грех!» – приговаривала она, орудуя розгой.

Это отбило у Ринки охоту задавать дурные вопросы. Но она не оставила попыток узнать о себе хоть что-то. Вскоре в школе заметили, с каким прилежанием сирота Ринкьявинн штудирует монастырскую библиотеку. Она проводила там все свободное время, изучая старинные книги. Но если в них и были какие-то упоминания об эльфах, то только вскользь.

И уж точно там ничего не было о том, что сказал мэтр Лавьер.

– Уводили? – переспросила она, не веря своим ушам. – Куда? Зачем?

– Да кто его знает? Просто забирали и все. И совсем молоденьких девушек, и женщин постарше. В основном молодых. Здоровых, грудастых. От малых детей забирали. Посмотрит такой эльф ей в глаза – и все, молодка пропала. Забудет про дом, про дитё и про мужа. Идет за этим гхарровым эльфом как коза на веревочке, слюни пускает. И больше никто ее не увидит.

– А мужчин?

– Что – мужчин? – он нахмурился, не понимая вопроса.

– Мужчин тоже забирали?

– И мужчин. За ними приходили эльфийки. Смотришь: тощая, прозрачная, что с нее взять? Только глаза огромные, в пол лица, что те озера. Глянешь в них – и не помнишь себя. Даже имя забудешь.

Голос следователя изменился, стал задумчивым, в нем появилась тоска. Даже лицо его стало другим, каким-то мечтательным.

Но вдруг, будто очнувшись, он резко хлопнул рукой по столу:

– Хватит. Больше никаких сказок об эльфах.

А на следующий день в серой комнате Ринку ждал другой человек.

– Меня зовут мэтр Габош, и я теперь буду вести твоё дело.

Он был полной противоположностью мэтра Лавьера: высокий, нескладный, худой. В таком же мундире, но без лысины и живота. И от него пахло кровью, а не домашней едой.

– А где мэтр Лавьер? – Ринка растерянно огляделась.

▲Тонкие губы Габоша раздвинулись, обнажая желтоватые зубы:

– Он отстранен. Больше ты его не увидишь.

▲Глава 4

Ни Герхард, ни Ильза больше не появлялись. Пару раз приходили монахини, приносили немного еды и последние новости. От них Ринка узнала, что матушка нашла адвоката, согласившегося защищать полукровку. Да только он не слишком торопится. То ли денег мало ему предложили, то ли не верит в успех.

Зато в один из дней к камере подошла незнакомая женщина. Молодая, белокожая, с надменным лицом. Чем-то неуловимо похожая на мэтра Лавьера. За её спиной неловко переминался стражник, держа в руках тусклый фонарь.

Не приближаясь к решетке, женщина глянула на Ринку так, словно та была виновата во всех её бедах.

Узница зачарованно уставилась на платье нежданной гостьи, расшитое серебром и рубинами. Такой красоты она ещё не видала. Разве что в глупых мечтах.

Несколько минут они разглядывали друг друга.

– Надеюсь, ты здесь сгниешь, мелкая дрянь, – процедила красавица, испепеляя девушку взглядом. – Таким, как ты, в тюрьме самое место!

Это стало последней каплей. Мир за стенами монастыря оказался совсем таким не радужным, как обещала матушка Ильза, и он совсем не спешил распахнуть полукровке свои объятия.

Вскинув подбородок, Ринка встретила ненавидящий взгляд.

– Не смей смотреть мне в глаза! – взвизгнула гостья, прикрываясь рукой. – Грязная полукровка!

– Тише, леди, я же говорил, что не стоит сюда приходить, – пробормотал стражник, бросая в сторону выхода тревожные взгляды. – Идите, пока вас здесь никто не застал.

– Не вздумай попадаться мне на пути! – напоследок бросила незнакомка. – Герхарда я тебе не отдам!

А еще два дня спустя за Ринкой пришли, чтобы доставить на суд. Мэтр Дамерье застегнул кандалы на ее ногах и запястьях, а стражники в кожаных латах сопровождали к уже знакомому экипажу без опознавательных знаков.

После пребывания в камере глаза слезились от солнечного света. Ринка шла почти вслепую, с трудом переставляя ноги. Она дышала и не могла надышаться, каждой клеточкой впитывая нечаянную свободу.

Но увидев карету, замешкалась. Ее охватило внезапное подозрение.

– Разве зал суда не в ратуше? – она оглянулась на здание городской управы, под которым ее все это время держали.

– В ратуше, – осклабился мэтр Дамерье.

– Куда же меня повезут?

– В ратуше судят людей. А тебя, цыпа, ждет ратное поле и божий суд. Молись Пресветлой, может она услышит и пошлет тебе избавителя. Хотя я бы на это не рассчитывал, – он хохотнул, будто сказал что-то смешное. – Ну все, полезай, некогда мне с тобой прохлаждаться.

Сопротивляться было бессмысленно. Вдохнув, Ринка громыхнула цепями и неловко забралась в карету. Внутри ждало знакомое жесткое сиденье и крик, к которому один из стражников тут же прикрепил цепь от наручников.

– Ну, держись, девочка, – поймала она тихий шепот.

Но не успела ответить, как стражник исчез.

Дверь захлопнулась, и карета тронулась в путь.

Несколько часов тряски по ухабистой дороге не прошли даром. К тому моменту, как путь был окончен, а дверь открыта, у Ринки болело все, что только могло болеть.

Будто нарочно, карета остановилась перед глубокой лужей. Шагнув с подножки, Ринка утонула по

▲щиколотки в топкой грязи. Холодная вода тут же просочилась в войлочные сапожки, вынуждая девушку поджать пальцы.

Никто не помог ей, не подал руку. Пришлось выбираться самой, стиснув зубы и сдерживая предательские стоны. Нет, она не собиралась доставлять такое удовольствие своим мучителям. А те стояли в двух шагах с глумливыми лицами и наслаждались бесплатным представлением.

Ступив на сухую обочину, Ринка смогла выдохнуть и оглядеться.

Ее привезли на городское ристалище, где во время весеннего равноденствия устраивались рыцарские турниры во славу Пресветлой. Огромное поле, вытопанное копытами лошадей, было огорожено деревянными щитами, а за ними в праздники собирался народ. Только градоправителю полагалась отдельная ложа. Точнее, это был дощатый помост, на который устанавливали кресла для бургомистра, его супруги и ближайших чинов.

Сейчас в кресле на возвышении сидел городской сенешаль, отдуваясь от жары и обмахиваясь бумажным свитком. Там же расположились судья, жрецы из храма Пресветлой и первые городские чины.

Да и народа было хоть отбавляй. В основном – городские зеваки, пришедшие поглазеть, как будут судить полукровку. За их спинами на конях гарцевала охрана.

Один из стражников ткнул Ринку пикой под ребра:

– Шевелись! Пресветлая не будет ждать до утра, у нее без тебя дел хватает.

С трудом переставляя ноги, девушка двинулась через поле к помосту.

Увидев обвиняемую, толпа поперла на ограждение. Люди толкались, желая хорошенько ее рассмотреть. Какая-то женщина закричала:

– Нечисть эльфийская! Сжечь ее и дело с концом! Пока она наших мужиков не приворожила!

Несколько голосов подхватили ее слова:

– Сжечь! Сжечь нечестивицу! Выколоть ей глаза! Вырвать косы!

Эльфийское отродье...

Презренная полукровка...

Бесстыдница, соблазняющая почтенных граждан. Грешница, испытывающая их добродетель.

Оскорбления летели ей вслед, и толпа взрывалась ликующими воплями.

Ей не место среди добрых людей.

Откуда-то из толпы прилетело гнилое яблоко, ударило Ринку в висок, стекло вниз мерзкой жижей.

И тут же посыпался целый град.

Ринка втянула голову в плечи, согнулась, надеясь хоть немного укрыть лицо.

Гнилые овощи это не страшно. Лучше пусть бросают гнилье, чем камни.

– А ну разойдись! – в толпу врезался один из верховых на вороном жеребце. Огрел плеткой парочку особо ретивых. – Кому сказано!

– Стой! – грубый окрик заставил девушку вздрогнуть.

Она машинально остановилась, чувствуя, как между лопаток упирается наконечник алебарды.

Протрубил рог, призывая толпу к спокойствию, и в наступившей тишине зазвучал голос судьи.

Ринка слышала, но не могла понять, что он говорит. Смысл слов ускользал, не давая затуманенному сознанию за него зацепиться.

Кажется, он зачитывал обвинения, выдвинутые против нее.

Ее взгляд, скользнул по толпе, наткнулся на Герхарда. Ее обвинитель был здесь. Пришел насладиться ее унижением. И не один. Рядом с ним, надув подкрашенные кармином губы, стояла та самая женщина.

– Господин сенешаль, достопочтенные служители Пресветлой! Благородный эрл Герхард Тамаск обвиняет Ринкьявинн Тюбо, девицу эльфийских кровей, в смерти отца – покойного эрла Тамаска. А

▲так же в непристойном поведении и попытках соблазнить его самого. Девица вины своей не

признает, упорствует и все отрицает. Но все доказательства и свидетельства говорят об обратном.

Исходя из всего перечисленного, суд считает сию девицу виновной и требует назначить ей

наказание в сто плетей и пожизненное изгнание из нашего города.

– Справедливое решение, – милостиво кивнул сенешаль. – Есть ли тот, кто решится его оспорить?

– Ваша светлость, – поднялся еще один человек, – осмелюсь просить суд о снисхождении.

– Назовите себя.

– Йенор Линуа. Адвокат, нанятый монастырем в защиту обвиняемой.

Эти слова заставили Ринку очнуться. Она подняла голову, пытаясь сквозь спутанные пряди волос рассмотреть говорившего. На секунду в ее глазах мелькнула надежда, но тут же погасла.

Это и есть защита, которую обещала матушка Ильза? Это и есть ее адвокат?

На помосте, приклонив колено, стоял молодой человек. Совсем юный, не на много старше ее самой. В серой суконной курточке и таких же бриджах, подвязанных сатиновыми бантами. Он совсем не походил на спасителя.

Матушка Ильза не смогла найти никого, кроме мальчишки, только-только закончившего академию и готового взяться за любую работу.

– О каком же снисхождении вы просите, мэтр Линуа?

– Божий суд. Пусть Пресветлая Орриет сама решает, насколько виновна сия девица.

– И каким же образом, позвольте спросить?

– Поединок чести, ваша светлость. Возможно, кто-то из присутствующих захочет сразится за душу этой несчастной.

– Протестую! – взвился судья. – Наличие души у подобных существ не доказано!

– Но так же не доказано и ее отсутствие, – заметил молодой адвокат. – Эта девица воспитывалась в монастыре, монахинями Пресветлой. Она имеет право просить богиню о заступничестве.

– Что ж, я вас услышал и готов объявить решение. – Сенешаль оглядел притихшую толпу, а затем его взгляд опустился на Ринку. – Правом, данным мне нашим городом и Пресветлой, объявляю: наказание, назначенное судом, признать законным и привести в исполнение немедленно.

Толпа слаженно выдохнула, внимая приговору. Замерла, боясь пропустить хоть слово. Казалось, даже ветер затих в этот момент, перестал трепать вымпелы на шестах.

Ринка сжалась, мысленно прощаясь с жизнью. Сто плетей! Да она и двадцать не выдержит! Для нее

это смертная казнь.

Но если она решила, что это все, то ошиблась.

Насладившись произведенным эффектом, сенешаль продолжил, повысив тон:

– Если только среди присутствующих не найдется тот, кто поставит свою жизнь, честь и душу в защиту этой девицы. – Он обвел глазами всех собравшихся, включая жрецов. – Есть ли среди благородных эрлов, служителей храма и простых горожан тот, кто согласен обнажить меч и сразиться с лучшим мечником города во славу Пресветлой? Есть ли тот, кто согласен обвенчаться с этой девицей божественным браком? Если такой человек найдется, пусть выйдет и назовет себя здесь и сейчас!

Он замолк – и все замолчали. Даже в задних рядах наступила мертвая тишина. Толпа ждала, застыв в напряженном молчании.

Ринка же обреченно рассмеялась.

Фарс. Этот суд просто фарс, созданный на потеху толпе. Представление, разыгранное по нотам.

Даже если кто-то из местных позарится на эльфийскую кровь и рискнет выйти против лучшего мечника, то шансов, что кто-то захочет сочетаться с полукровкой божественным браком – ноль. Божественный брак это не просто венчание в храме. Это обмен кровью и душами. Он навеки скрепляет две души, делая их одним целым. Обычный брак заканчивается со смертью одного из супругов, божественный не может расторгнуть и смерть. Даже переродившись в новых телах, две души по-прежнему будут стремиться друг к другу. Сами боги не смогут разорвать эту связь.

Стоять больше не было сил. Измученная, полностью опустошенная, лишенная последней надежды, она сломанным цветком опустилась на землю.

Все. Это конец. Даже если каким-то чудом она выживет после ста плетей, куда ей потом идти? Слабой, беспомощной, без семьи и друзей. Разве что сгнуться где-то в канаве возле обочины или попасть в руки разбойников...

– Я согласен.

Ровный, полный достоинства голос прозвучал в тишине.

Следом за ним по толпе пронесся возбужденный гул.

Не веря своим ушам, Ринка вздрогнула. Но поднять голову и взглянуть на того, кто решился на это безумие, она не посмела. Слишком много надежд и разочарований для одного дня, который, вполне вероятно, станет последним в ее маленькой жизни.

– Кто этот храбрец? – раздался удивленный голос сенешаля. – Выйди и назовись!

Охваченная робкой надеждой, Ринка даже дышать перестала. Она до звона в ушах вслушивалась в шаги. Кто-то шел, тяжело и мощно ступая, и толпа невольно раздвигалась перед ним.

Шаги становились все ближе. И вскоре до Ринки донесся запах хорошо выдубленной кожи, древесного дыма и степных трав. Пряный и терпкий. Чужой.

Его обладатель остановился у нее за спиной. Густая тень накрыла ее. Ринка замерла мышкой, боясь сделать вдох.

Он был так близко, что она почти чувствовала тепло его тела. И боялась взглянуть. Боялась, что вспыхнувшая надежда окажется новым фарсом.

– Brent. Можете звать меня просто Brent. Мое родовое имя ничего вам не скажет.

Кем бы он ни был, в его тоне звучали безусловная сила и уверенность в собственном праве.

И на миг Ринка позволила душе встрепенуться, поверить в спасение.

– Вижу, ты прибыл издалека, мэтр Brent, – благодушно заметил сенешаль, – и не знаешь наших законов.

– Эрл. И мне ни к чему знать ваши законы. Я слышал все, что здесь говорилось.

– Значит, ты согласен сразиться за полукровку? За сироту? Ей нечем тебе заплатить. У нее нет ни семьи, ни имущества. Даже родовое имя ей дали в монастыре.

– Согласен.

– И согласен скрепить ваши души божественным браком?

– Да.

– Ты готов поклясться в этом на печати Пресветлой прямо сейчас?

– Да.

Сенешаль не спешил отвечать.

Он не рассчитывал, что кто-то из присутствующих решится на такое безумство. Связать свою душу с полукровкой на веки вечные! Но храбрец (или безумец) все же нашелся. И что теперь делать?

Сенешаль с радостью отменил бы свое опрометчивое решение, да только слово не воробей: вылетит – не поймаешь. Сказанное нельзя изменить.

Ринка жадно ждала его слов. Ее сердце колотилось как сумасшедшее, перед глазами все расплывалось то ли от напряжения, то ли от слез. А в голове вспугнутыми воробьями носились рваные мысли.

Пауза затягивалась. Тишина давила все больше.

Девушка судорожно глотала жаркий полуденный воздух – и не могла надышаться. Ей казалось, что ее голова вот-вот лопнет как переспелый арбуз.
▲Наконец, она услышала:

– Да будет так!

Облегчение обрушилось снежной лавиной. Пронеслось, сметая все на своем пути.

И в этот момент измученное сознание, не выдержав, скользнуло во тьму.
▲Глава 5

...Ее разбудил визг ржавых петель и дверного засова. Кто-то шел по тюремному коридору твердой, уверенной поступью.

Вздрагнув всем телом, Ринка открыла глаза. Уставилась в нависающий потолок.

Сначала она не могла понять, где находится и что происходит. Но уже через миг воспоминания накатили удушливой волной, встали в горле горьким комком.

Суд. Ее же судили. Приговорили к ста плетям и изгнанию.

Если только кто-то не рискнет спасти ее душу...

И, кажется, такой безумец нашелся.

Шаги звучали все ближе. Из-за поворота показался тусклый свет фонаря.

Кто-то шел к ее камере.

Охваченная ознобом, Ринка села, подобрала ноги под себя. Обхватила руками плечи,

пытаясь
согреться.

И в этот момент из темноты коридора к решетке шагнул человек. Высокий, широкоплечий, в длинном плаще, под которым тускло отсвечивали звенья кольчуги.

Он возник так внезапно, что узница инстинктивно отпрянула, вжалась спиной в холодную шершавую стену. Нервно втянула носом знакомый запах кожи и трав.

Нежданный гость заслонил собой свет. Его лицо оставалось в тени, но огромный меч заставил Ринку вспотеть. Незнакомец носил его заткнутым за пояс, без ножен, и сейчас на остром отполированном лезвии сияли красные блики. Как кровь.

Она опустила взгляд ниже. Полы его плаща и носки сапог были покрыты толстым слоем дорожной пыли.

Тяжелый хмурый взгляд незнакомца заставил ее побледнеть. Он буквально впился в ее лицо.

– Это она?

У него был хриплый, будто надтреснутый голос. Голос смертельно уставшего или раненого человека. Но, тем не менее, она узнала его. И сердце забилось сильнее.

Она не могла ошибиться. Это был Brent, единственный человек, что рискнул заступиться за нее на суде. Но сейчас, как и тогда, она не могла разглядеть его лицо.

– Да, ваше благородие.

– Открывай.

Из-за спины незнакомца выкатился смотритель тюрьмы.

Ринка передернула плечами, сбрасывая с себя его липкий взгляд.

– Сейчас, сейчас, ваше благородие.

Связка ключей забренчала в потных руках.

Незнакомец не стал дожидаться, пока смотритель найдет нужный ключ. Молча сжал замок огромной лапищей, затянутой в крагу из воловьей кожи. И Ринка невольно вздрогнула, втянула голову в плечи, услышав металлический хруст.

Сколько ж силы в его руках, если он вот так, играючи, может сплющить железо?

Решетка с противным скрипом сдвинулась с места.

Затаив дыхание, исподлобья, Ринка следила за незнакомцем.

Тот, морщась от вони, вошел в ее камеру. В его руках что-то блеснуло, и она с изумлением поняла, что это серебряный обруч шириною в два пальца. К нему крепились монетки-гривны размером не больше ногтя. Она уже встречала подобное украшение у женщин на старинных гравюрах. Брачное ожерелье, вот что это такое.

Только люди в Таатагане такие не носят.

Это прерогатива Первороденных. Эльфов, орков и других рас, что давно покинули эти земли и ушли за Пролив, на ту сторону, в Эльвериолл...

Пару секунд незнакомец смотрел на обруч в своих руках, а потом склонился над девушкой.

Шершавые мужские пальцы скользнули по ее шее, отводя в сторону растрепанные волосы.

Холодный металл коснулся кожи. Ринка нервно сглотнула. Тоненькая жилка на ее горле забилась сильнее, а по телу побежали мурашки.

Один вдох – и незнакомец застегнул ожерелье на ее шее. Красивое ожерелье, из чистого серебра. С филигранным узором. С блестящими гривнами.

И внезапное понимание заставило ее задрожать.

Божественный брак. Вот что это такое.

Но как? Когда?!

– Пока ты была без сознания, – ответил он на ее безмолвный вопрос. – Жрецы Пресветлой совершили обряд на ристалище.

И разогнулся.

Ринка поспешно задрала рукав. Так и есть! Левое запястье было перевязано тряпкой. Дрожащими пальцами девушка сдвинула ее.

Под ней оказался тоненький розовый шрам. Он не болел, не кровоточил. Только немного чесался. Значит, все это правда. Боги благословили их брак...

Вот и все. Теперь они муж и жена. Теперь ее жизнь – собственность этого незнакомца.

Внезапно стало трудно дышать. словно брачное ожерелье легло на грудь гранитной плитой. Ринку охватила мелкая дрожь.

Но уж лучше так, чем быть забитой до смерти на глазах у толпы.

Она еще пыталась осознать случившееся, когда незнакомец снял с себя плащ и накиннул ей на плечи. короткими, сухими движениями завернул в сукно дрожащее тело. Поднял с грязной соломы, осторожно прижимая к себе.

Он обращался с ней так, словно боялся разбить.

– благородный эрл желает как можно быстрее консуммировать брак? – слышался сальный смешок.

При звуках этого голоса Ринка закрыла глаза.

Не видеть. Не слышать. Забыть, что он существует, забыть все, что он сделал...

Герхард Тамаск. Новый эрл. Виновник всех ее бед.

Когда-нибудь, может быть, ей удастся вычеркнуть из памяти все, что пришлось пережить в этих застенках... Когда-нибудь она сможет забыть.

А сейчас каждое слово врезалось, точно отравленный нож.

– Не вижу смысла терпеть до утра, – голос ее нового мужа прозвучал холодно и безразлично.

Но его руки сжались сильнее вокруг нее.

Герхард шагнул на свет.

– О да, девица страсть как хороша. Даром что полукровка. Я в некотором роде даже завидую вам, – тот же сальный смешок. – Но будьте с ней осторожны! Эта дрянь убила моего отца, – тяжелый вздох, от которого тянет притворством. – Несчастный повелся на ее эльфийские прелести, сделал своей законной женой, а она отравила его прямо в первую брачную ночь! ♠Ринка с трудом сдержалась, чтобы не закричать.

Ложь, все ложь! Но разве ее будут слушать? Кому нужна сирота, да еще полукровка? Здесь не любят ни эльфов, ни магию...

Кто заступится за нее?

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/alina-uglickaya-15730401/nevesta-elfiyskih-krovey/>